

Алескендер Рамазанов

Родная афганская пыль

«ЭКСМО»

2010

Рамазанов А.

Родная афганская пыль / А. Рамазанов — «Эксмо», 2010

Войну можно сравнить с армейским кителем. На его лицевой стороне крепятся боевые награды, нашивки за ранения и контузии, она блестит золотом и звездами погон. Но есть у кителя и изнанка, не видная постороннему глазу. Это – солдатский быт. Как и чем жили «за речкой» наши солдаты, что их радовало и чему они печалились, как и во что одевались, что ели и пили... Перед вами удивительно достоверное и доверительное описание повседневной жизни «шурави» – бойцов ограниченного контингента советских войск в Афганистане; настоящая изнанка войны...

© Рамазанов А., 2010

© Эксмо, 2010

Содержание

ОТ АВТОРА	5
«АФГАНСКАЯ БОРЗАЯ»	6
КАК «ЗА РЕЧКУ» ПОПАЛ	8
КАК ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ	11
ЧЕМ «ДУХОВ» ВОЕВАЛ»	14
ФОРМА НОМЕР ВОСЕМЬ	18
БОЕВОЕ КРЕЩЕНИЕ	20
ПЛЕННЫХ НЕТ...	22
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Родная афганская пыль

Алескендер Рамазанов

ОТ АВТОРА

Войны возбуждают.

Чаще всего их затевают хитроумные стариканы, вегетарианцы, содомиты и другие лица с порочными сексуальными наклонностями, представляя битвой добра со злом.

Ложь – кормилица и любовница всех войн.

Правда (до, на и после) войны – у каждого своя.

Божьи заповеди отменяются приказом военачальников.

Боги на войне разные, а вера одна.

Все умирают вовремя.

Трупы пахнут плохо.

Победитель платит дважды.

Справедливость войны прямо пропорциональна ее жестокости.

Автор отдает себе отчет в том, что ветеранам эти выписки из их же воспоминаний не нужны, а юношеству, возможно, будут полезны, поскольку «война – дело молодых», и выражает искреннюю признательность читателям за военные подвиги в настоящем и будущем.

Также следует особо упомянуть, что цитаты в тексте – интеллектуальная собственность участников войны в Афганистане 1979–1989 годов.

Войны.

Как бы ее ни называли раньше, теперь и потом.

«АФГАНСКАЯ БОРЗАЯ»

Афганистан – маленькая далекая страна. Что о ней мог знать советский юноша призывного возраста? Конечно, в газетах «Правда», «Известия», «Советская Россия» в 78—79-х годах попадались сообщения о революции в Афганистане, о визитах президента Нур Мухаммада Тараки, о помощи многострадальному южному соседу. Было и поздравление от Кремля Хафи-зулле Амину, после того как он своего учителя Тараки приказал удавить. А потом, в начале и в середине 80-х годов, еще больше сообщений было, и все такие светлые, оптимистические. О помощи южному соседу. Да кто же читал в восемнадцать мальчишеских лет что-либо официальное в этих газетах?

А если что-то и знали, картина не будет полной, хотя бы потому, что тринадцать тысяч триста (цифра официальная!) солдат, офицеров и служащих Советской Армии, Пограничных войск и Комитета государственной безопасности об этом рассказать не смогут. Они погибли, выполняя интернациональный долг в ДРА.

«До 15 августа 1979 года – ничего про Афганистан не ведал и не пытался. Служба была такая. Только в Баграме оповестили, где находимся и зачем».

«Была легенда в семье, что дед с басмачами на каком-то острове (!) в Афгане воевал. Кто-нибудь сегодня поверит? Где Афган и где море? Вот и я тогда отмахнулся. Что ни ветеран, то Ленина видел. А ведь было, насчет острова».

«Конкретно – ноль. А кто знал? Что война там идет, и только! Поинтересуйся в те времена, чем не надо. За один привод в милицию потом, в военкомате, в стройбат можно было загреметь».

«Что есть такая собака – афганская борзая. Но я их не видел в Кабуле. Потом, после Горбачева, в городе. Худая, сучка, морда печальная».

«Накачивали под Самаркандом сведениями про историю, традиции – два месяца. Из ТуркВО одна была дорога – «за речку». Но был ошарашен, когда увидел женщин в парандже! Они летели с нами из Кабула в Баграм».

«Подняли на учения Варшавского Договора. А вместо этого все четыре самолета в Кабул, потом в Шиндант. Меняли «партизан» и дембелей. По факту, значит».

«За месяц до призыва встретил соседа, вернулся из Афгана, так он буркнул: «Попадешь – узнаешь!» Попал. Не жалею».

«Ничего не знал. Только в военкомате разведал, что команда идет в Мары. Брат старший, как услышал, засмеялся: «Есть на свете три дыры: Термез, Кушка и Мары».

«В школе, по экономической географии, что каракуль нам поставляет и саженцы плодовые. По истории, что первым Советскую Россию признал, а мы, конечно, Афганистан. Еще помнил фото их Амануллы в Москве: на голове каска, как у английского полисмана. Я отличником был до десятого класса».

«Киплинга читал. Там все про Афган расписано. И все правдой оказалось. Особенно про самих афганцев и что их полицейские все чумазы».

«Только в учебке и уяснил, где он находится, какие языки, климат. Долбили на каждом политзанятии».

«Я вообще думал, что это в Иране или Индии где-то. Карты были мелкие».

«В Душанбе афганцев много было, задолго до войны. Веселые ребята. Говорили, что у них на родине места красивее есть, чем Варзобское ущелье. Можно было у них джинсы нормальные купить, батники (обтягивающие трикотажные рубашки), часы японские (подделку), «Джентан» (антиполицай), тогда его запрешали».

«Я написал в географическом диктанте «Авганистан»! Точно помню, учительница пристыдила. А зря. Он так до революции и назывался».

«Что афганцы худые, черные, бедные и очень любят наших баб. Это я о студентах иностранных. К защите диплома все переженились. А тут апрель, революция. Некоторые остались».

«Ни одна бл...дь, ни в Ростове, ни в Буйнакске, в учебке, про Афганистан слова нам не говорила. А потом из Ростова в Кабул. Только там и сказали, где мы есть. Это было в 1982 году».

«Да соберите вы не роту, нет, кодлу пацанов, тех, что из ремеслухи-лапшеедки, уличных, промойте им мозги, дайте оружие – пойдут куда угодно, за компанию. С восемнадцатилетними и не такое прокатывает. А тут еще комбат с орденом, учебка замахала до рвоты. Все пошли добровольно, куда и без того было назначено – «за речку». Иначе зачем были эти учебные части в «чуркестанском» округе?»

КАК «ЗА РЕЧКУ» ПОПАЛ

Недаром утверждали дембеля мирных времен: «Самое светлое – дорога в армию и домой». Ну, по поводу «светлого» можно поспорить, а что в память эти дороги детально врезаются – точно!

«В военкомате завели в подвал, выстроили. Офицер-десантник, медаль «За отвагу», нашивки красные, сказал: «Вам предстоит служить в теплых странах. Все понятно? Кто не желает – два шага вперед». Шагнули городские в основном. Тут и заходят моряки, а десантник говорит про городских: «Забирайте. Это ваши». А мы в Фергану, учебка, потом Кабул».

«Нас в учебке никто не спрашивал, сказали, что с каждого взвода нужно выделить людей в Афган. И тоже не спрашивали. Все пошли как один».

«После пьянки перед призывом рано утром пришел в военкомат. Пришел первый в тот день, дежурный по военкомату сказал: кто первый встает, тому Бог дает! Бог дал, слава Ему – не замочили».

«Отправили в Таманскую дивизию: переодеть, недельный карантин. Вот там и узнали, куда идем. Помню, стоим, под дождем мокнем, а какой-то старший прапорщик говорит: «Не х. й их жалеть, все равно в Афгане сдохнут». Потом Иолотань, три месяца учебки и «за речку» в Кундуз».

«Я туда сам пошел».

«Честно спросили – есть желающие послужить в Афгане? Пишите рапорт, рассмотрим. При отборе смотрели, чтобы в семье был брат, сестра – кормилец родителям на случай чего...»

«Предлагали за некоторую сумму поменять команду, но я тогда страдал патриотизмом и отказался».

«Квартира была. Звание и должность светили (командира списывали, до цирроза печени допился), а чего-то не хватало. Рапорт написал. Наверное, фронтовикам в душе завидовал?»

«Многие перед выпуском рвались в Афганистан. Офицеры, послужившие там, имели особый авторитет. А я попал через год службы в Болграде, по рапорту, и то без конфликтов с замполитом полка не обошлось, не отпускал».

«Как положено попал, по тревоге. Посадили в Ил-76 МД. До этого дали каждому по бутылке шампанского и два пузыря водки. Сохранить рекомендовали! Уже на борту командир роты спросил: есть ли жалобы? А вот: деньги за прыжки не дали! Старшина с сейфом быстро нарисовался. А куда их девать, советские рубли? Кто-то крикнул: «Сержанту нашему, на дембель!» Отдали все. Сержант нас многому научил. И командир был майор, афганец. А шампанское, как взлетели, так и полилось. Кто же знал, что эти пузыри не для нас?»

«Сам. По рапорту. В Политуправлении ТуркВО услышал рекомендацию: «Не говори по телефону (открытому) про Афганистан. У нас говорят: «За речку». Вся страна знала, только в ТуркВО маскировались! Ага, вечером в «Саёхате», кабак такой был, рядом с гостиницей, все, что нужно и не нужно, узнал».

«Кабул. Конец октября 1984 г. Мы летели из учебки «Гайжюнай», несколько «илов». Первый сел нормально, второй был сбит, я летел на третьем. Наш резко дал крен, и мы улетели обратно в Союз, в Ташкент (по-моему), а через дня три-четыре приземлились в Кабуле, и где-то через час взорвалась «вертушка» на аэродроме».

«Через «малый дембель» – учебку. Запомнилось, что сержанты – один наглее другого. Особо отличался беспредельной дедовщиной сержант из Балашова. А командир роты, кстати, афганец, ему в этом не очень мешал. Пришлось собрать группу единомышленников и давать отпор. Отдавали на работу местным. Нас вывели и пожалели, в обед узбек накормил и допустил роковую ошибку – выставил графин водки. Разморило и развезло, заговорили о доме, о жизни на воле, больше нас никто заставить работать не смог. Обошлось без особых разборок, думаю,

потому, что эта работа была нелегальной. Понос в первый месяц был неудержимый. Глоток воды – и бегом в сортир. Туалет в казарме не разрешали засирать, поэтому бегали за триста метров, задача – добежать!

Присылали пару раз бандероль, но сержанты поджидали возле почты или шли якобы сопроводить – «половинили» в лучшем случае.

Наряды по столовой мы называли «дискотекой» из-за жирности полов в мойке, надо было иметь сноровку удержаться на этом полу с разносомами и посудой. Два-три наряда подряд, и все: ты на грани срыва. Ложки, миски, кастрюли хлорированы до кристаллов, еда огненная: не ели, а глотали, как утки. Плакат о тщательном пережевывании вызывал нездоровый хохот. В столовую ходили с голым торсом и полотенцем в пакете за поясом. В карманы хлеб не пихали, наказывалось отжиманием всей роты, пока вынесший кусок ел буханку без воды. На пути в столовую умер курсант, от теплового удара, а командир части после этого приказал всех побрить наголо. Не помогло – умер еще один, не помню, «Скорая» приехала или нет, но укол делали в сердце, не спасли. В Афган, за мизером, пошли, как на дембель, пусть не с радостью, но без страха, так подсасывало внутри от неизвестности, наверное».

«По своей воле. С декабря 1979-го просился. Через год оформили. Чему учили, то и получили. Жаль, воевали не с фашистами. Размазали войну».

«И не снился мне этот Афганистан. Готовился в зарубежную командировку. А потом политработники «промыли мозги», пообещали должность и квартиру. Да, рано или поздно – все равно бы пришлось!»

«Как обычно, ночью. Батальон был поднят, построен и по списку была вызвана некая команда, численностью около роты. В ее составе оказался и я. Мы получили указание срочно собрать личные вещи, получить оружие, караульные боеприпасы (именно этот факт и не позволил мне почуять подвох – караульные боеприпасы надолго не выносят из части) и построиться на плацу. В составе этой сборной команды я заметил единственную закономерность – все мы отслужили по году. Без всяких объяснений нас посадили по машинам, и мы поехали в неизвестном направлении. Высадили нас на вокзале, где ожидала еще одна команда, поменьше и из другой части, как потом выяснилось, даже не одной, и уже не десантники. Когда нас рассадил в теплушки времен Второй мировой, с нарами и буржуйкой, смутные подозрения в меня уже закрались. Однако все попытки выяснить что-либо у сопровождающих офицеров пресекались решительно. Когда же на следующий день выяснилась причина всей этой кутерьмы, для меня уже было поздно что-либо изменить. Оказалось, что была сформирована сводная рота для сопровождения какого-то важного груза в ТуркВО. Единственное, что меня удивило, так это то, что все, кто ехал со мной, были фактически добровольцы. Все они писали рапорты с просьбой отправить их в Афганистан. Кто-то сам, кого-то сманили вербовщики. Были в то время такие офицеры, которые ездили по гарнизонам и предлагали бойцам обычных частей служить во вновь формируемых десантно-штурмовых бригадах, заманивая романтикой, берегами и тельняшками. Так и осталось для меня загадкой, был я исключением или кто-то все же написал рапорт от моего имени. Сопроводили мы этот груз через Польшу и пол-Союза до города Мары. Оттуда нас по воздуху перебросили в Фергану, а через три дня в Кундуз».

«Я в Афганистан пошел добровольцем. Там много нас собралось».

«Вам предлагается спецкомандировка в страну с сухим и жарким климатом». Если Афган, так сразу и скажите, что мутите?»

«Очень сам хотел. Были причины. Кругом хохлы. А я, в тридцать с лишним, молодой старлей – старый «двухгдючник»! Да еще «чурка нерусская». Правда, квартиру дали. А в Афгане сразу – «спец».

«Утерял в такси партбилет. Потом вернули, но было поздно! Это судьба».

«Начальник политотдела вызвал, чаю налил и так проникновенно сказал, что нужно ехать в Афганистан, по замене. Остальное – как и у всех: Ташкент, пересылка (гнусное место, пусть все помнят!), Кабул, штаб армии (второй этаж, кадры) и Джелалабад».

«Догадаться ума немного – прибыли в Иолотань. Воду хлебали, как верблюды. Поносили две недели. Помню полотенце, висящее справа за ремнем. Через два месяца первый выход из части, как сказал ротный (афганец), переход на выживаемость. Умер от теплового удара один солдат. Его увезли, а мы пошли дальше. Добрались до Захмета, в пустыне, в заброшенном военном городке начались тренировки по сборке и разборке трубопровода. Отправка в Афганистан: ротный объявил: «Желающие остаться в Союзе по каким-либо причинам, шаг вперед!» Первый вышел молдаванин, он пытался косить всю учебку; удар в грудь, и он в строю. Попытка другого солдата тоже не увенчалась успехом. Было объявлено, что командование нами гордится! Ночью – в Мары, на аэродром. Приземлились в г. Шиндандт. Через три часа были под Гератом, в трубопроводном батальоне».

«И тогда не стеснялся, и сейчас скажу: «командировка» в ДРА, так это тогда называлось, была для меня единственной возможностью получить жилье и повышение по службе. Об остальном офицеру думать не надо – профессия такая: воевать».

«Не сын партработника. Не еврей, не в обиду сказано, просто их за границу редко брали, если не офицер, конечно. Главное – безотцовщина, некому было растолковать что к чему. Но все к лучшему: без афганской службы так и остался бы бараном из развитого социализма».

КАК ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ

Первые впечатления. Они как первая любовь – не из числового ряда последующих. Иногда обманчивы, но всегда влияют на будущее. Впрочем, об этом знали в годы Великой Отечественной, когда расстреливали начальников станций, прозевавших «теплую» встречу эшелонов на фронт (пополнение) и с фронта (санитарного). А полвека спустя – забыли. Поэтому в Афганистане в этом плане все шло как карта ляжет! Не всегда получалось, что «парня встретила славная, фронтовая семья...». Ну, не расстреливать же ответственных за идейно-политическое воспитание!

«Самарканд – Ташкент, поездом, в тамбуре. Сопровождающий, сука, сэкономил на билетах! Потом Ташкент, какой аэродром, не помню, но не Тузель. Офицер каждому по две бутылки водки в мешок, и поехали за реку! Кабул: подали трап – две трубы – спускаться – кайф! Дембеля все с «отвагами» и «забезе», их крики: «Вешайтесь, «духи»!». Затем изъятие водки офицерами; кто же знал, что она может стоить до 50 чеков?!»

«Яркое солнце. Прозрачный воздух. Немного смутил вид солдат. Кто в чем. Но это на пересылке».

«В Ташкент прибыли на поезде. Шесть человек из Павлодара. Добирались самостоятельно. В Авиагородке, где штаб воздушной армии, сразу двух немцев особый отдел отсек. Потом Тузель. Поручили какому-то майору, его назначили старшим, а он орал, что мы ему на хрен не сдались за нас отвечать! Из Кабула, на Ми-6, в Баграм. Увидел с высоты Парванскую долину. После павлодарских степей раем показалась. Земляков сразу встретили. Казарма, столовая, баня. И песня, модная тогда: «Бай, бай-бай-бай-бай» – итальянцы. Дембеля одежду свою отдали. Мы-то прибыли со стоячими воротниками!»

«Когда вышли в Кабуле, ощущение непередаваемое. Все в касках, брониках с оружием – жуть. Да еще в горах шла перестрелка. Но потом все прошло».

«До Афгана довелось служить в Туркмении; солнцем, нищетой и «бабаями» не удивить. Но удивился сразу: вылез из Ан-26, а рядом человек пятьдесят аборигенов на асфальте сидят со связанными за спиной локтями, и наш узбек их охраняет. Пояснили, что так призывников у них перевозят».

«Перед посадкой на Ил-76 выдали по одному лезвию «Нева» на десять человек (у нас-то у всех электробритвы!): «Брейте яйца!» Со вшами так боролись. А лезвие после двух заходов как топор! До самого Чарикара зудело! А в части – ничего, нормально приняли, хоть нас и пугали в Баграме».

«Сто пятьдесят молодых десантников. Сейчас не могу сообразить, какая это была палатка (за пересылкой?), но мы, все сто пятьдесят, поместились. К вечеру зашли четверо «мобутовцев», попытались шмон устроить. Мы запустили, а назад их вынесли. Больше никто не приходил. А потом на «корову» – и в Гардез. Чего так дружно отпор дали? Сержант в Фергане научил. Как-то через наш строй караул рванулся, не по уставу. Мы-то прошли себе в столовую, а они остались лежать на асфальте без автоматов. Потом, конечно, отдали».

«Что помню из первого дня, меня самого удивляет. Присел в позе орла, одной рукой штаны держу, другой отмахиваюсь от тысяч мух, грызущих жопу. Вокруг горы пустых консервных банок – пересылка. Почему я запомнил именно это, не знаю».

«Сто сорок человек, друг к другу на плечи в «горбатый» странного цвета. Около часа полета, открывается рампа, и... дембеля с платочками «на подшивах» и напутствием: «Вешайтесь, «духи»!» Мы выходим – они заходят. «Горбатый», не глуша моторов, свечкой вверх!»

«Сели в Кабуле. Заночевали недалеко от «взлетки». Спали на шинелях, всех было 150 человек. Вечером было тепло, а к утру дали дубаря, пока солнце не встало. Утром съели весь сухпай и выпили всю воду из какого-то душа. К вечеру попали в часть».

«В ноябре в Кабуле, на пересылке, две недели кумарили. Ну и, конечно, всех нас разграбили».

«Прилетели на Ту-134 в Кабул. Ночь на пересылке. Холодно. Дембеля шинели поотбирали. 2 ноября на «мамонте» в Гардез. Идем от «взлетки», представления еще союзные. А тут налетели: кто шапку снимает-меняет, кто сапоги смотрит, кто еще что. Оно понятно – дембелям в чем-то нужно уезжать».

«В штабе дивизии в первую минуту какой-то мудака наорал, даром, что полковник! Писарь фамилию неправильно записал и не исправил. Через двадцать лет аукнулось! А потом еще это завещание. «Кому, в случае смерти, отправить имущество?» Или как там было? А все остальное как у людей: свои встретили, накормили, напоили, даже хэбэ нашли, прибыл-то в полушерстяном обмундировании, в апреле!»

«Прилетели утром. Заменяли дембелей, которые сразу в Союз, а вечером выставили меня на пост. Около семи вечера поднялся такой грохот, думаю: все, пи...ц, накрыли снарядами. В испуге лег на брюхо, смотрю по сторонам, а вокруг все ходят, как ни в чем не бывало. Оказалось, арtpолк из «градов» зеленку обрабатывал».

«В Кундуз прибыл утром, потом понял, как повезло, что кабульскую пересылку миновал, а вшей нахватал за два дня на ташкентской, там же всего наслушался. Устроили свои ребята быстро, а вечером повели в медсанбат к земляку. А в конце «взлетки» ящики рядами стояли. Пояснили – гробы здесь так упаковывают».

«Вечером заменщик проставлялся, я вливался (заняли на водку без сомнений, кстати), встал со всеми на «третий», а чувствую – не могу по-честному выпить, некого мне еще поминать. Плохая мысль, но была. Да ведь это поначалу...»

«Дембеля на пересылке сразу к нам приценились. А взять нечего. Все грязные, оборванные. Вертолеты пошли по кругу, стрельба, шары огненные летят. Думали, что началось! Не знали же, что это перед каждым взлетом транспортников».

«Кабульская пересылка. Весь день сидели в клубе, и весь день играло: «Я буду долго гнать велосипед».

«Август 1986-го. Из Кушки – на военный аэродром Мары. Заночевали, не было самолета. На оставшиеся рубли набрали хавчика, загрузились в самолет и давай все жрать... А когда самолет пошел на посадку по «серпантину», ладно что оглохли, так и хавчик у некоторых выскочил из желудков в пустые коробки от сухпайков».

«Летели на Ан-12. Масок кислородных на всех не хватало, поэтому дышали по очереди. Ночью в Кабуле продали ящики бачатам, купили чарсу и оттянулись. А утром в Джелалабад».

«Только приземлились, нас в столовую повели. После «диеты» полигона к макаронам с тушенкой по второму заходу пристраивались. Потом пятый угол на вертодроме искали, животы крутило».

«Едем с Джелалабадского аэродрома, а навстречу БМП с солдатами на броне: в кроссовках, в солнцезащитных очках... После Союза – жуть! Приехали, офицер говорит: «Вы остаетесь здесь, а вы завтра утречком вылетаете на «вертушке» в Асадабад и Митерлам. Через пару часов будете на месте... Если долетите. Гы-гы-гы!»

«Высаживают среди какой-то пустыни. Бараки, колючка... а дембеля сбоку стоят, потешаются: «Вешайтесь, пацаны!»

«Счастливые глаза заменщика, ворвавшегося без разрешения в кабинет комбата».

«Первое, что услышали от дембелей, садящихся на наш самолет: «Стропы от парашюта не нужны?» Кто-то спросил: «Зачем?» Прозвучал ответ: «Вешайтесь!» Сами понимаете, какое после этих слов было настроение».

«Если взять весь Афганистан, то по насыщенности боевых действий это был как Сталинград. В какую палатку ни приглашают чаю попить – на столе стоят стопки, накрытые хлебом...»

«Чумадые, босые пацаны. Их крики: «Шурави-чоест – контрол – какделя-заеб...сь?» И все это быстро так, видно, научились у наших!»

ЧЕМ «ДУХОВ» ВОЕВАЛ»

Всем оружием Советской Армии, исключая ядерное и химическое. И то по поводу последнего идут бесконечные ветеранские споры: «было, не было». Можно долго и скучно перечислять виды и марки оружия ограниченного контингента. Но следует учесть, что это не специально против «духов» – моджахедов! Просто штатное вооружение 40-й армии и приданных ей частей! Потому и применялись в боевых действиях в Афганистане:

Вертолеты: Ми-24, Ми-8, Ми-6.

Самолеты: МиГ-21, МиГ-23, Су-17, Су-24, Су-25, Як-38, Ту-16, Ту-22, Ил-28, Ил-76, Ан-12, Ан-22, Ан-26.

Танки: Т-54, Т-55, Т-62.

Бронированные транспортные средства: БТР-60ПБ, БТР-70, БРДМ-2.

Боевые машины пехоты: БМП-1, БМП-2, БМД.

Ствольная артиллерия: 122-мм гаубицы: М-30, Д-30, 2С1 СП.

152-мм гаубицы: 2С3 СП, 2С5 СП, 130-мм пушка: М-46.

Реактивные системы залпового огня: 132-мм БМ-13, 122-мм Град-П и БМ-21, 220-мм БМ-27.

Минометы: 82-мм М-1987, 82-мм «Василек», 120-мм М-1943, 240-мм СП М-1977.

Ракеты «земля-воздух»: СА-2, СА-3, СА-4, СА-6, СА-7, СА-9, СА-13.

Противовоздушная артиллерия: 23-мм ЗСУ-23-4 СП; 23-мм ЗУ-23-2; 14.5 мм ЗПУ-1, 2, 3 и 12.7 мм ДШКМ ААА.

Противотанковое оружие: РПГ-7 и РПГ-16 ракетные пусковые установки; СПГ-9.

Огнеметы: РПО-А («Шмель»), ТОС-1 («Буратино»).

Стрелковое оружие: 5.45-мм (автоматы: АКС, АК-74, АКД, АКСУ, пулемет РПК-74 ЛМГ), 7.62 мм (автоматы АКМ, АКМС, АК-74, пулеметы РПК, РПД, РП-46). Гранатометы: 30 мм АГС-17, 40 мм БГ-15 (подствольный гранатомет к АК-74).

Мины: ПФМ-1, ПМН, ПОМЗ, МОН-50, МОН-100 и другие.

Ручные гранаты: Ф-1, РГД, РГО.

Авиационные бомбы: ФАБ – (50, 100, 250, 500, 5000, 9000 кг), ЗАБ-2,5М, ЗБ-500РТ, ОДАБ-500ПМ, САБ, ФОТАБ.

Технические характеристики вышеперечисленного можно найти в специальной литературе. Кстати, перечень далеко не полный. А вопросы о целесообразности калибров следует сразу отвести. Где есть задача победить, там цель оправдывает средства. Что же касается количественной стороны, то, к примеру, летом 1987 года на вооружении 40-й общевойсковой армии состояли:

танков Т-62 – 625

БМП – 1531

БТР – 2666

БРДМ 2 – 354

Базовых машин типа МТЛБУ – 1477

Автомобилей и средств подвижного вооружения – 16618

Гаубиц 122-мм Д – 30310

Пушек 152-мм 2А – 368

Самоходных гаубиц 122-мм 2С1 – 96

Самоходных гаубиц 152-мм 2С3 – 50

Самоходных гаубиц 152-мм 2С5 – 54

Самоходных орудий 120-мм 2С9 – 69

Самоходных минометов 240-мм 2С4 – 4
Полковых минометов 120-мм – 54
Минометов 82-мм 2В9, 2Б14 и БМ-37 – 823
РСЗО 122-мм «Град» – 94
РСЗО 122-мм «Град-1» – 7
РСЗО 240-мм «Ураган» – 17
Противотанковых пушек 100-мм МТ-12 – 42
Боевых машин ПТУР 9П135 – 121
Переносных ПТРК 9П135 «Конкурс» – 157
Переносных ПТРК 9П151 «Метис» – 12
Боевых машин «Стрела-1» и «Стрела-10» – 46
ЗУ – 23 – 2—190

Разумеется, ничего лишнего для воюющей армии в этом фрагменте нет. Напротив, часто в решающий момент чего-то остро не хватало – об этом свидетельствует ряд воспоминаний военачальников. Что же касается противоборствующей стороны – «духов» (моджахедов), – то они успешно обходились разномастным стрелковым вооружением, реактивными гранатомерами, легкими минометами, противопехотными минами, пулеметами различных калибров и современными (1983–1989 гг.) ПЗРК, что значительно затрудняло работу армейской авиации. Особую статью составляли мощные самодельные фугасы и противоднищевые мины иностранного производства. Естественно, скромный арсенал «духов» значительно вырос после вывода советских войск из Афганистана. Они просто сказочно разбогатели, но потеряли свое главное преимущество – «красного шайтана», так они называли советских солдат. Воевать в дальнейшем пришлось со своими «неверными», а потом с чересчур верными (ортодоксальными) – талибами.

Однако статистика и история – часть правды. Другая – в свидетельствах непосредственных участников боевых действий. Пусть не всегда верно в техническом плане, но ведь это солдатская правда. Что видели, понимали и запомнили, то и говорят!

«Рожки пластиковые на выход брали по двенадцать штук. Железные заклинивало, если ударится об камни. Патронташ для подствольника на двенадцать гранат, гранаты Ф-1 штук по восемь на каждого, нож «духовский», рюкзак – не РД, а тоже трофейный. Потом мне сказали, что это спецсумка американская, для переноски мин».

«Испытывали бомбу, даже название помню: ЗАБ 500 ТБМ. У нее, по сравнению с обычной бомбой, скорость разлета осколков была в полтора раза выше и взрыв был ошеломляющий».

«Примотанные друг к другу изолентой несколько магазинов к «калашу». Использование спасжилетов для магазинов. Вынимался пенопласт, в ячейки – магазины. До Афгана никто не додумался. Народное творчество».

«У нас на маршруте проходила боевую обкатку и доводку тяжелая огнеметная система (ТОС-1) «Буратино». Охраняли как зеницу ока».

«Огнемет РПО-А «Шмель». Очень-очень хорошая шайтан-труба, только если не на тебя направлена».

«Напалм в чистом виде, баки, применяли. Фото у синоптика смотрели. Потрясающе красивое зрелище! Река огня течет».

«Снаряды ЗШ1. В долине превосходное оружие. Снаряд разрывается практически бесшумно. Помню, одним выстрелом за четыре километра сразу два десятка «духов» отправил к аллаху. Они своих хоронили, ну и в кучу собрались».

«Потери душманов были чудовищными, в общем, их никто не считал, часто говорят о миллионе (!) уничтоженных моджахедов, но, по всей вероятности, было уничтожено от 400 до 600 тысяч мятежников. По данным Генштаба СССР, только в 1981 году, не самом успешном для Советской Армии, силы антисоветской коалиции потеряли, по самым скромным подсчетам, свыше 20 тыс. убитыми и около 8 тыс. пленными, количество раненых моджахедов оценивалось примерно в 60–80 тыс.».

«Не знаю, применялось ли нашими войсками в Афгане химическое оружие, но то, что оно там было, гарантирую. Дело в том, что наша сводная рота из ГСВГ передислоцировалась не налегке, а в эшелоне, в котором мы сопровождали груз. Получили мы его на складе артиллерийского вооружения 2-й танковой армии. Склад очень любопытный. Там целая система подземных хранилищ, обнесенная ограждением, а внутри дополнительный караул, охраняющий вход в особые хранилища. Несли его бойцы-химики. И обслуживали его тоже офицеры-химики. И машины наши грузили они же, и сопровождали на всем пути. Инструктаж был серьезный, и укомплектовали наш караул не только противогАЗами, но и новенькими комплектами ОЗК (общевойсковой защитный комплект). И хотя с нас взяли подписку о неразглашении, через день весь эшелон знал, что мы сопровождаем. Это, к примеру, о секретности в Советской Армии. Сопроводили мы этот груз через Польшу до города Мары и там передали очень любопытным товарищам. Все они были в полевой, выцветшей форме, без знаков различия, по возрасту – тридцать-тридцать пять лет. Как «партизаны», но явно не гражданские – выправка не та».

«В 1981 году в Кундуз поступили БМП-2. Сначала возни с ними было много. Стволы на дорогах горных гнули, непривычно далеко высовывался».

«Реактивные системы залпового огня: «Град», «Ураган». Про «Смерч» не скажу, не приходилось видеть. А вот «Ураган» ночами за штабом армии, у 180-го полка, лупил по горам. В первый раз от испуга с койки слетел. А потом одна ракета у них рядом с пусковой установкой грохнулась. Это было в 1986 году, между ЗРП и 180 мсп».

«Видел ручные гранаты, РГД, которые были выпущены во время Великой Отечественной войны, клейма на бомботаре 1944–1945 годов».

«Гиацинт». Здоровая дура. Калибра не знаю. У нас его «геноцидом» называли. Еще помню, как над Кабулом, после выстрела, какие-то снаряды включали ракетный двигатель».

«Сначала все ухватились за новые гранаты РГО и РГН. Они взрывались после метания при ударе о препятствие. Потом вернулись к привычным гранатам с запалом УЗРГМ».

«Использовали минные комплексы «Охота». Мины могли срабатывать по одной и группами, пропустить пустого ишака, а сработать на нагруженного».

«Мне однажды мины к миномету сбросили с вертолета выпуска 1943 г. Где-то 20–30 процентов – неразрывы».

«АКС 74 У, когда с большим магазином, 45 патронов (от РПК), мог заклинить. Несколько раз такое было, потом стал к нему обыкновенные магазины брать».

«Кассеты для НУРСов, привинченные на броню. И что толку, если они и с «вертушек» по курсу сходили?»

«Заказали в Ташкенте какие-то новые взрыватели (на неизвлекаемость, с замедлением). Мы подвешивали на МБД ФАБ 100. Всего их полная зарядка была – 24 штуки на самолет. Вылетаем звеном, это почти 100 штук, и валим с большим интервалом на нескольких гектарах. Один ее вытащить не может, зовет еще «духов». Взрывались пачками, все виноградники в лохмотьях».

«В начале восьмидесятых видел, как ПТУРы применяли с «горбых» (Ми-24). Если снаряд нормальный, то шел точно в цель, но бывало, что свои от него шарахались в воздухе. Капризная вещь!»

«С тихим ужасом думал: что, если бы у «духов» была боевая авиация? Вот бы мы побегали!»

«НУРСы с игольчатыми элементами. Потом вроде бы запретили».

«Ночью вертолетчики вешали над долиной САБы (светящие авиабомбы). Красиво было и сразу вызывало желание по этой долине из всех стволов. Часто эти «люстры» падали, не сгорая до конца, как оранжевая сопля, а потом горели поля».

«Привезли как-то опытный «ветродуй» – воздухом мины сдвухать. Хорошо, что не запустили в серию. Вокруг тьма, пыль до небес, как сигнал «духам» на весь Афган: «Шурави едут!»

«Гражданские доработчики возились в вертолетном полку на Ми-8 с какой-то «Радугой». Seriously говорили, что с этим прибором управляемый снаряд на пяти километрах в пять копеек можно уложить. Как применяли, не видел, а простые ПТУРСы особой точностью не отличались, да и нечасто их подвешивали».

«Рапира». Точнее этой пушки не видел. Если прикрывал противотанковый дивизион, то без проблем. Куда скажешь, уложат «в яблочко».

«... Часто использовались жестокие виды оружия – по сути, оружие массового уничтожения: реактивные установки залпового огня типа «Град», которые, как известно, ведут ковровый огонь по площадям, бомбы и снаряды объемного взрыва (т. н. вакуумные бомбы), ракеты «земля-воздух». От мин-ловушек нередко страдали малыши. Есть печальные кадры телехроники того времени: в лагерях афганских беженцев на территории соседнего Пакистана совсем крошечные детишки показывают иностранным корреспондентам культи – у кого нет ручки, у кого ножи...»

ФОРМА НОМЕР ВОСЕМЬ

«Форма номер восемь. Что украли (точнее: «спиз...ли»), то и носим!» Разумеется, речь идет об экипировке во время боевых действий, в колоннах, на точках. Носили почти все, что было в Советской Армии, в том числе в авиации и спецподразделениях, но в самых немислимых для мирного времени сочетаниях. Среди причин можно выделить две: явное несоответствие уставных комплектов обмундирования климатическим и боевым условиям и завышенные сроки замены. А попробуйте при 45–50 градусах тепла в тени натянуть полубрезентовую куртку и такие же шаровары, да упаковать ноги в кирзовые ботинки на резиновой подошве! А потом побегать по горкам, но уже не в тени и не для сдачи норматива. Конечно, единая форма одежды, четкие знаки различия – это все признаки регулярной армии, но только в мирное время. С развитием партизанской тактики и оптики для снайперских винтовок ситуация меняется.

Панама – отличный головной убор для юга. Но обвисающие поля затрудняли обзор, особенно при ветреной погоде. Обрезать поля! Жарко – укоротить рукава форменной рубашки, расплосковать на спине для вентиляции. Ботинки не дышат – пробить дырочки с той же целью, и так далее...

«Зимой носил сапоги, брюки от парадного обмундирования, они теплее, панаму».

«Заменяли резиновую подошву на пластиковую, типа каучука. Обувь стала легче, но ноги промерзали. У печки или в золе – плавилась на глазах».

«Достал КЗС (костюм защитный сетчатый), выстирал, чтобы пропитка ушла. На два выхода хватило. Потом разрезал и перешил на шаровары и куртку камуфлированный комбинезон. Надо брать двумя размерами больше. Он прочный, год прослужил».

«Спасательный жилет на голом пузе и шлемофон!»

«Ботинки чешские. Все остальное – наше. Если хорошо застирать, то дышало нормально. Очки мотоциклетные, или солнечные, когда на броне сидишь».

«Кроссовки. Не покупал, конечно. Панама обрезанная, маскхалат-комбез».

«На развод строились в «форме номер восемь...», на боевые так же ходили. Но пришел новый комбат, и на построение – строго по форме».

«На боевые ходили – кто во что привык и в чем фартило. У меня летом – распиленный на рубашку и брюки маскхалат (не «сеточка», штаны и верх отдельные, это было труднее достать), а на ногах «Кимры» – лучшие кроссовки, которые я встречал! А мои пехотинцы носились по кандагарской «зеленке»... в прикроватных тапочках! Пришивали на пятку ремешок брезентовый – и вперед! Конечно, мы выглядели на боевых как партизаны. Жаль – но экипировка наша ни к черту!»

«Кроссовки, кеды – приобретали сами, но нам не давали их носить, много было инцидентов по этой теме. Сгори и мучайся, ты солдат, и должен стойко переносить все тяготы своего положения!»

«Приехал генерал из боевой подготовки и твердо сказал – на боевые можно в кроссовках и в любой удобной обуви. Помнится, фамилия была – Печевой».

«Было всякое – то каски в обвязаловку, то сиди в броне, как в мышеловке. Побегайте по «зеленке» в каске, мудаки-уставники!»

«Две недели отходил в горных ботинках. Тяжелые, грубые. Достал кеды – красота, и по сухой траве на склоне не скользят».

«Видел бронежилет, который телепался на ветру, как распашонка. Вроде броник, а пластин нет. И начальство довольно, и боец одет».

«Спасжилеты на голое тело, вместо пенопласта – магазины. Шаровары, кеды, берет пятиный».

«Заставили каски обшивать песчанкой, для маскировки. На постах носили. На боевых прятали поглубже в броню».

«Летом маскхалат и, конечно, кроссовки или, на худой конец, тапочки, за которые почему-то офицеры нас не жаловали».

«Афганцы шили под наш бушлат подкладку из овчины. Недорого и очень теплая. На броне спасала».

«Были в горах, на дальних заставах, три с половиной месяца, спустились вниз и сразу, через батальон, на заставу в кишлак. Перед батальоном встали: «афонские» свитера, халаты, ободранные кроссовки, тельники драные. Комбат вышел: «Так... Этих партизан ни х. я в батальон не пускать».

«У нас в Газни танкистов и разведчиков не сильно ущемляли насчет формы. Конечно, гордостью был танковый бушлат, а если он, конечно, еще с капюшоном, то вообще!»

«Восемьдесят первый, лето: панама, рубашка офицерская (рукава обрезал), шаровары, ботинки (солдат подарил, трофейные, но крепкие); на боевые – в старом хэбэ (хлопчатобумажное обмундирование), но в ранец укладывал рубашку и кусок легкой ткани, от солнца, если на горках сидеть. Осень-зима: куртка от «танкача», черная (скорее уже седая, в наследство перешла), каскетка. На выходах – танковый комбез, сапоги с обрезанным голенищем».

«Купил афганский свитер из верблюжьей шерсти. Он все рубашки прокалывал и страшно вонял бараном».

«Предпочитал халат таджикский и «красы».

«В июле, помнится, 1981 года начальник штаба дивизии кричал прилюдно на комсомольца, который в Кабуле раздобыл «эксперименталку»: «Это что еще за петух патлатый, нашил карманы. Снять!» А переодели всех в новую форму в середине 1982-го».

«На заставе ходили в форме, ботинки или сапоги со шнуровкой. На засады и выходы в горы в кроссовках, сапогах, ботинках – кому что нравится. Ну и, конечно же, горный костюм».

«Ботинки пакистанские, коричневые, кожаные. Известно, где их брали! Зимой – танковая куртка, шарф, горная шапочка пуховая, двойной вязки».

«На «боевых» летом ходили в КЗС и кроссовках, зимой – горный костюм со свитером из верблюжьей шерсти и берцы. В повседневной жизни – так называемое экспериментальное хэбэ, чешские летние туфли (форменные), зимой – бушлат и шапка».

«Маскхалат на голое тело, вываренный, чтобы зеленого на нем не было, лифчик с магазинами».

В батальоне: голый торс, тапочки; в колонне: голый торс, тапочки, кроссовки или берцы; на операциях: все, в чем удобно передвигаться.

«Офицеры на боевых носили солдатские бушлаты с нарисованными ручкой звездочками и солдатские ремни».

«Зимой – солдатские сапоги. Летом – кроссовки и маскхалат».

«Купил в «чипке» «Адидас». Сходил в горы – пипец настал. Подвернулся случай купить кимрские кроссовки. Вещь!»

«Шлепанцы иранские – резиновые. Отпечаток подошвы в пыли – будто осел подкованный прошел!»

«В жаркое время: трусы, майка, тапочки из кирзы, ремень (обязательно!), панама, если выходишь за капонир».

«У нас на станциях многие носили тельники. Так и к начальству выходили».

«В расположении группы носили полевую форму Советской Армии. А когда выезжали, в песках форма одежды любая. Но тоже доходило до абсурда: будь ты в трусах, но чтоб при себе был противогаз!»

БОЕВОЕ КРЕЩЕНИЕ

По-всякому было. Кому – первый бой и «вечная память» заодно. Кто и обстрел за боевое крещение считал. Солдат войну не ищет и не выбирает. Она сама – сваха заядлая! Можно только вспомнить, что пополнение, мало-мальски обученное особенностям боевых действий в горно-пустынной местности, на афганском опыте, начало поступать только осенью 1981 года и только из учебных частей ТуркВО. До этого в основном личный состав прибывал в 40-ю армию после двухмесячного – в лучшем случае – «курса молодого бойца», сопряженного с хозяйственными и строительными работами.

«В августе 1980-го, в самом начале. Два месяца прослужил: все нормально. А тут и крещение, и ранение, и списание. Потом под Кишимом рота разведчиков полегла вся, а нас на выручку подняли. «Духи», будто знали, что мы подходим, встретили конкретно!»

«В июне 1981-го пошли первый раз без дембелей на Джелалабад. На перевале накрыли «духи». Итог: один убитый, один раненый и восемь машин сожжены. Это был второй месяц службы в Афгане».

«Заходим в Центральный Баглан. Вдруг из-за дувала появляется голова в черной чалме. Поравнялись – и шею как огнем обожгло, потом грохот выстрела. Стрелку: «Огонь!», а он: «Все в пыли, ничего не вижу». Тормозим, дали несколько очередей по дувалу. Доскочили до Северного Баглана. Там КП роты. Зашли. Ротный: «Вы сумасшедшие? На праздники все блоки сняли. Тут с блоками мочат, а так... Ну, буду держать вас на связи». Все дружно осмотрели опаленный воротник бушлата. Повезло!»

«Весна 1981-го. Сопровождаем колонну с продуктами на Чагчаран. Сидим с другом на броне. На перевале слышим хлопки, не придали значения. А офицеры потихоньку вниз и передние люки закрыли. Вдруг несколько пуль попадают в броню, издают противный свист. Как мы нырнули одновременно в задний люк, не помню. Наверное, как суслики. Все в броне хохочут над нами, а мы в себя прийти не можем».

«Гора Нарай. Весна 1984 года. Не вспомню, зачем туда пошли. Было четыре БМД, на горной дороге, первая подорвалась, ничего не осталось от машины и людей. Сразу же третья, там живые остались ребята. Я был на второй. Собрали останки (от кого что: мозги, кишки – не разобрать). Повернули домой».

«Летом 1984-го, рядом с Ургуном. Брели караван из засады. Первый раз обосрался. Лежу за камнем, а тут перед глазами душара вырос. Метнулся, все по нему стреляют, но так и ушел. От их огня никто не пострадал. Вызвали артиллерию – мондец каравану. А рядом со мной «дед» из РПГ-7 шарахнул. Вот тут я и получил «крещение», зацепило струей слегка. Иногда этот дух мне и сейчас снится».

«...Впервые ощутил страх смерти. Но это внутри, а снаружи все было просто, банально и даже, наверное, скучно. Душманы атакowali какую-то нашу точку. Роту подняли по тревоге, и на четырех «вертушках» вылетели. Когда выгружались, уже слышен был характерный звук боя. Помню, мурашки по коже и сердце заглохло. Дальше уже внимание переключилось на другие заботы. Получение приказаний, сосредоточение, движение. Сердце уже стучало от усталости, а не от волнения. Над головой несколько раз проносились наши штурмовики. Впереди периодически грохотали разрывы: то ли авиация работала, то ли артиллерия. А когда вышли на исходную, опять внизу живота прихватило. Получили задачу, целеуказания, двинулись вперед, и вот тут я увидел «духов». Показалось, что очень далеко, но на самом деле метрах в шестистах, впереди по склону, вспышки выстрелов и темные фигурки. Открыли огонь. Потом команда на продвижение. Поочередно – одно отделение движется, другое прикрывает – короткими перебежками пробрались метров на триста. «Духи» постепенно перестали стрелять, скрылись за гребнем. К этому времени наши минометчики развернулись и обработали

пространство где-то впереди. Постепенно стрельба затихла. Мы пролежали еще минут двадцать, и команда: всем вперед. Поднялись, пошли, поначалу еще боязливо пригибаясь, потом все увереннее. «Духов» уже не было. Когда достигли места, где их заметили, впервые увидел труп душмана. Смуглый человек лежал на боку с совершенно спокойным выражением лица, словно вглядывался в даль. Причем ни крови, никаких других следов повреждений на нем я не заметил. И только отойдя на несколько шагов и обернувшись, увидел, что на спине у него рваная рана. Это спокойное лицо еще долго мне вспоминалось. А потом я увидел наших ребят, раненых и убитых. Мы помогали грузить их в прилетевшие вертолеты. Рев двигателей, стоны, окровавленные бинты, крики, мат и всегда сопутствующая этому суета и неразбериха словно оглушили. Как в тумане, автоматически, делал, что приказывали, и только когда все закончилось, построились повзводно, проверились, сдали строевые записки и пошли назад, вдруг наступившая тишина навалила нестерпимым грузом. Наступило осознание того, что вот все это и есть война. Настоящая война, в которой есть враг, которого ты должен убить, потому что, если ты этого не сделаешь, он убьет тебя. И это ты будешь лежать неподвижно, с остекленевшими глазами, залитый кровью, и не будет ни света, ни солнца, ни земли под ногами, ни неба над головой. И вот в этот момент, когда опасность миновала, когда позади остались картины смерти, мне впервые стало страшно. Страшно умереть. Я представил, что никогда не вернусь домой, не увижу ни родителей, ни жену, не буду дышать, говорить, вообще меня не будет. Мне стало плохо, и меня стошнило. Сквозь гул в ушах слышал отдельные фразы: «Что это с ним?», «Да первый раз бывает...», «Вроде держался молодцом...», «Ничего, обстреляется...». Кто-то посмеялся, пошутил, кто-то похлопал по плечу...

«Магистраль» запомнилась. То «духи» от нас бегают, то мы от них. Впервые увидел, какие базовые районы, тылы под Хостом были у душманов. Стало понятно, почему так крепко «духи» стояли при нашем перевесе в оружии и живой силе. Аккуратные ребята, надо отметить».

«Первая операция – проводка колонны на Газни. Танкисты разворачивались, выбирали позицию. Подорвались на фугасе. Уцелел только механик-водитель. Его выбросило – сидел по-походному – наполовину обгоревшего. А у двоих внутри головы всмятку. Башня отлетела метров на двадцать. Не знаю, как с такими ожогами выживают, но этот парень выдержал, при том что вертолет прилетел только через сутки».

«Бой не бой, а крестился – точно. Особист сказал, мол, хватит контрабанду таскать, везите раненых в Пули-Хумри. До этого их через мост в Термез доставляли. Начальник санчасти отказался ехать, послал лейтенанта, молодого совсем, только прибыл. Перед Айбаком, кажется, какой-то шлагбаум деревянный на дороге, я объехал, потянул в гору. Тут стал плавиться главный провод. Разбираюсь, изолирую, только вижу: пониже нас какие-то афганцы бегают и стрельба поднялась. Впереди то ли мина, то ли граната рванула, потом сзади. Больные на обочину залегли. Тут летит бронетранспортер, майор какой-то орет матом: «Кто такие? Как сюда попали. Сейчас е...т вас всех. Убирайтесь, где сопровождение?» И рванул от нас. Какое сопровождение? Мы одни и шли от Хайратона. Лейтенант мечется с автоматом: быстрее, да быстрее! А что толку? У меня руки дрожат, резьбу не могу нащупать. Кое-как справился, поехали. Гильзы на дороге рассыпью... Опять стрельба кругом. А у меня радиатор закипел. Я пробку отвернул, ну и весь пар по мне, ехал-то с голым торсом. Короче, лейтенант меня поливал водичкой до Пули-Хумри. А там перевязку сделали – в мумию превратили. Так и вернулся на базу в бинтах».

«За Чардара, в июне 1981-го. Душары у переправы паромной в рост перестреливались, метров со ста. У них двоих положили. У нас – двое раненых. Одного парнишку, узбека, не довезли, много крови потерял».

ПЛЕННЫХ НЕТ...

На всякой войне для командования лучше, если вы живы и здесь.

Либо убиты, но тоже здесь (на носилках, в морге, в гробу). Особенно если война уже идет, но еще не объявлена.

Однако мир добреет. Если в начале сороковых годов Верховный Главнокомандующий говорил, что у нас пленных нет, а есть изменники Родины, то в начале восьмидесятых Политбюро ЦК КПСС от второй половины утверждения отказалось, а первую творчески доработало.

Военнопленный – статус. У советского военнослужащего, попавшего в плен к моджахедам («духам», душманам, мятежникам, бандитам, непримиримой (вооруженной) оппозиции), никакого статуса быть не могло по определению. Советские и афганские власти считали (и публично объявляли) таких военнослужащих лицами, незаконно удерживаемыми бандитскими формированиями. А супротивная сторона (если оставляла в живых) считала военнопленными, но без всяких прав.

«...Офицер разведки... сообщил, что пленные солдаты будут содержаться в максимально комфортных условиях, какие только могут быть предоставлены им по законам шариата. Но насколько долго – этого он сказать не мог. По его словам, это зависит от множества вещей. Русские до сих пор не отдают пленных моджахедов через комитет Международного Красного Креста.

– Сложно сказать, что будет дальше, – пояснил офицер. – Пленным предоставят питание, сигареты, радиоприемники и гашиш. Но решать, что с ними делать, будут наши вожди».

«По официальной статистике, за время боевых действий на территории Афганистана пропало без вести или попало в плен 417 советских граждан... Находились в розыске (на 15 февраля 1989 года) – 334 человека, из них: пропали без вести – 316 человек, интернированы в другие страны – 18 человек, в плену у моджахедов – 39 человек, вернулись на Родину – 6 человек». Это данные Российского Союза ветеранов Афганистана. Процентное соотношение пленных и пропавших без вести к общему числу советских комбатантов вполне соответствует полномасштабной войне.

Сказал один генерал: «С удовлетворением хочу подчеркнуть, что за весь период пребывания советских войск в Афганистане не было ни одного случая совершения преступления советскими военнослужащими по политическим мотивам».

Сказал другой генерал: «...были и дела по измене Родине – в форме перехода на сторону врага и содействие врагу. Например, поставили бойца в секрет – он убивает напарника, забирает оружие и уходит в банду. Были и такие случаи. Моджахеды таких изменников использовали в качестве инструкторов, боевиков...»

Общее здесь одно – оба генерала из одного и того же компетентного ведомства.

В списке «Военнослужащие, воевавшие против СССР в вооруженных отрядах моджахедов в Афганистане (по состоянию на 15 февраля 1989 года, по данным Российского Союза ветеранов Афганистана) числится шестьдесят восемь человек. А в списке героев восстания советских военнопленных в лагере моджахедов Бадабер (в апреле 1985 г.) – пятнадцать. Пятеро из них, к размышлению историков, указаны в обоих списках (Н. Саминь, М. Варварян, А. Зверкович, С. Левчишин, В. Швец (последний в списке героев с пометкой «предположительно»). Впрочем, о пленных все предположительно. Не ищите правды там, где ее нет. Что за интерес командиру описывать истинные обстоятельства, при которых афганские партизаны захватили советского воина? И солдату к чему рассказывать – даже по прошествии десятков лет, – как он выжил в плену?

Возможно, интересным будет тот факт, что советских солдат постоянно пугали тем, что, попав в плен к моджахедам, они непременно станут объектом сексуальных извращений,

поскольку все душманы – активные педерасты и просто жаждут гомосексуальных контактов с советскими военнослужащими.

«Комплектуя штаты особого отдела 40-й армии, руководство Управления военной контрразведки в Москве ввело в него небольшое, но важное по своей сути специальное подразделение. Оно занималось учетом всех без исключения советских военнослужащих, которые в силу различных обстоятельств оказались в плену у бандитов, без вести пропавшими. Добывало данные о их гибели или нахождении в определенной банде, собирало сведения о их геройском или преступном поведении, а главное – занималось организацией их вывода на нашу территорию».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.